

На вопрос, нужна ли новая Академическая История русской литературы, каждый может отвечать по-своему, но даже при положительном ответе сами ответы будут разными, поскольку замыслы могут радикально отличаться один от другого.

В любом случае работа с 2017 г. идет, поскольку таким было решение Ученого совета ПД, и оно не вызвало возражений членов ОИФН РАН.

Скорее всего мне стоит рассказать не только о ходе работы над этим общеинститутским проектом ПД, но и о замысле в целом.

В ноябре 2015 г. в Пекинском Центре Пушкинского Дома был организован круглый стол на тему «Национальные истории русской литературы». Речь шла и об академических «Историях русской литературы», подготовленных сотрудниками Пушкинского Дома, и о разных типах «Историй русской литературы», в разное время опубликованных в России, Германии, Англии, Франции, Италии, Испании, Японии, Китае и Корее. Не скрою, мне было приятно слушать от наших коллег, известных русистов из этих стран Европы и Азии, что, с одной стороны, до сих пор подготовленные в Пушкинском Доме «Истории русской литературы», имеющиеся в научном обороте, несмотря на то, что во многом они устарели, используются ими в работе, а, с другой, с их точки зрения, существует насущная потребность в новой академической «Истории русской литературы».

Знаменательно, что эта идея почти одновременно родилась и начала осуществляться в трех странах, ее инициаторами были не только единомышленники, но и друзья, при этом мы никак не согласовывали свои действия. Все три «Истории» близки к завершению, однако ни один том до сих пор не опубликован. Первыми заявили о проекте наши китайские коллеги, инициатором был выдающийся русист-литературовед Китая профессор Лю Вэньфэй, который получил на свой проект серьезную государственную поддержку. Они готовят 6-томную «Историю», каждый

том поручен одному известному исследователю, представляющему русистику пяти китайских университетов. В Италии 4-томную «Историю» задумали два выдающихся русиста: Стефано Гардзонио и Мария Плюханова, и готовят их три автора, кроме них – еще Марко Сабатини.

В отличие от наших итальянских и китайских друзей и коллег **мы решили пойти по другому пути, и у нас уже сейчас над различными разделами и главами томом работают 120 авторов**, представляющих в основном ПД, но также ИМЛИ, СПбГУ и различные университеты России и мира.

Все главы и разделы по возможности были предложены тем литературоведам, которые являются **признанными авторитетами именно в этой области**, в том числе и в тех случаях, если они не являются сотрудниками Пушкинского Дома. Среди них, кроме пушкинодомцев – Дмитрия Буланина, Марии Виролайнен, Аллы Грачевой, Александра Лаврова, Сергея Николаева и других известных ученых Пушкинского Дома, Константин Азадовский, Анатолий Алексеев, Андрей Арьев, Михаил Вайскопф, Стефано Гардзонио, Александр Долинин, Екатерина Дмитриева, Олег Лекманов, Дина Магомедова, Андрей Немзер, Игорь Пильщиков, Мария Плюханова, Вадим Полонский, Абрам Рейтблат, Милена Рождественская, Роман Тименчик.

Мнения во время нескольких заседаний рабочей группы в ПД в 2017 г. высказывались абсолютно разные. **Как выяснилось, они во многом совпадали с различными мнениями, высказывавшимися нашими учителями и старшими коллегами в 1969–1970 гг. во время заседаний Ученого совета ПД, посвященных концепции последней пушкинодомской ИРЛ в 4-х томах.** (Тогда выступали Д.С. Лихачев, М.П. Алексеев, П.Н. Берков, Е.Н. Куприянова и другие). В том числе высказывалось мнение о том, что «нарративу» надо предпочесть издание справочного типа.

В частности, мой учитель, академик **М.П.Алексеев**, высказал следующее соображение: «Я мечтаю о справочной книге, которую можно назвать “Основы русской литературы”, представляющей среднее между библиографией и справочником, чтобы каждый изучающий русскую литературу – преподаватель, студент, профессор, научный работник – считал бы необходимым такую книгу держать на столе, а не на полке. Это была бы идеальная “История русской литературы”». Кстати, теперь у нас не на полке, а на столе есть прекрасный, правда, до сих пор не завершённый, справочник «Русские писатели. 1800–1917 г. Библиографический словарь», «Словарь книжников и книжности Древней Руси», «Словарь русских писателей XVIII века», и много других замечательных справочных изданий. Так что М.П. Алексеев был прав. Впрочем, с другой стороны, он хорошо знал своих коллег и понимал, на что они способны и к чему их влечет в нарративе.

Как показывают стенографические отчеты заседаний Ученого совета Пушкинского Дома за 1969–1970 годы, концепция всем нам известной последней академической истории, ставшей уже почти «классической», рождалась в самых ожесточенных спорах и претерпела за время выработки кардинальные изменения: от 7-томной истории *новой* русской литературы до восьми томов, которые должны были охватывать всю историю русской литературы, включая советскую. В конечном счете была подготовлена 4-х томная «История», последний том которой охватывал период: «Литература конца XIX – начала XX века (1881–1917)».

С момента начала работы над последней академической «Историей» прошло более 50 лет, а с начала выхода – 40 лет, за которые многое кардинально изменилось не только в нашей стране, но и в нашей науке. Не говоря о снятии идеологических барьеров, за истекшие годы осуществлены значительные конкретные исследования и накоплено колоссальное количество новых знаний, имеющих непосредственное отношение к истории литературы на всех этапах ее

существования, в том числе в областях, которые ранее традиционные «Истории» оставляли в стороне. Только под грифом нашего Института вышли около 20 томов энциклопедических словарей справочников. Кроме вышеперечисленных изданий можно упомянуть десятки томов собраний сочинений, Летописи жизни и творчества, био- и библиографии, указатели, специализированные сборники и проч. Особенно важно отметить, что в этих трудах появился целый ряд имен, которые ранее рассматривались как «второстепенные» или вообще игнорировались.

Однако для того, чтобы начинать работу над новой «Историей», прежде всего **необходима новая концепция**, на основе которой она бы осуществлялась.

По нашему замыслу предполагалось отойти от традиционных моделей истории литературы, строившихся либо на «лучших» образцах (вершинных достижениях), либо, наоборот, на наиболее эмпирически-характерных массовых («средних») явлениях. Мы решили отказаться от принятой ранее периодизации, во многом носившей условный характер, в пользу предложенного **В. Н. Топоровым в 1985 г. (т.е. после выхода в свет последнего тома пушкинодомской четырехтомной «Истории») в статье «К вопросу о циклах в истории русской литературы»** более фундаментального понятия историко-литературной циклизации. Предложенные ученым понятия «узлов» и «циклов» представляются в настоящее время оптимальным способом упорядочения материала при описании тех разноприродных элементов, из которых складывается историко-литературный процесс, «более емкой рамкой, чем направление, школа, стиль». Ключевыми при таком построении становятся переходные периоды, эпохальные по значению, но короткие по времени, которые совмещают в себе свертывание предыдущей структуры и завязь новой и осуществляют связь соседних циклов. Так, не вызывает сомнения, что в истории русской литературы с подобными переходными периодами мы сталкиваемся, например, когда рассматриваем стык XVII и XVIII веков,

отделивший древнерусскую словесность от литературы нового времени, или XVIII и XIX или же XIX и XX. В предложенную В.Н. Топоровым концепцию полностью вписывается и следующий «стык», о котором он не писал: XX и XXI веков, ознаменованный началом и концом перестройки, который нашел своеобразное преломление в русской литературе.

Суть предлагаемого подхода заключается в переакцентировке внимания с “законченных” и “самодовлеющих” периодов» на переходные.

Наиболее ценное в идее Топорова – само выделение «узлов», то есть моментов, связанных не с эволюцией, не с динамикой определенной литературной традиции (цикла), а с радикальным переструктурированием ее глубинных оснований.

Одним из основополагающих при переакцентировке внимания на переходные периоды может стать тезис, высказанный **Ю. М. Лотманом** в связи со спецификой «пограничных» культур, о том, что в них помимо «своего» и «чужого» языка, непременно возникает «пограничный» язык общения. Тем же, по-видимому, отличаются переходные эпохи от непереходных – сосуществованием в них, разумеется, небесконфликтным, помимо «прежнего» языка и «грядущего», еще и «пограничного» языка общения.

Не меньшее значение имеет и представление о сосуществовании, прежде всего в переходные эпохи, различных эстетических тенденций, подобных тем, которые возникают в любого рода «узлах», когда соединяются два фрагмента, два явления, лишь формально представляющие единое целое, представление о культурных эпохах, которые продолжаются в творчестве значительного числа писателей в новое время, когда, казалось бы, их «эпоха» хронологически осталась в прошлом.

Так, древнерусская письменность продолжала свою жизнь в среде староверов и в XVIII и даже в XIX столетиях, тем самым эта эпоха не

закончилась в конце XVII в. Этому феномену будет посвящена отдельная глава. Другая тема, которой меня недавно заинтересовала – это, если хотите, жизнь русского модернизма после смерти. Благодаря тому, что русские поэты эпохи модернизма были лишены в конце 1920-х – 1930-е годы возможности печатать свои оригинальные произведения, они вынуждены были уйти в переводческую нишу, по удачному выражению Е.Г. Эткинда. Однако, используя слово «ниша», мы лишь констатируем факт. Между тем речь идет о том, что, благодаря тому, что они укрылись в переводческих катакомбах и продолжали творить, возникла великая петербуржско-ленинградская школа художественного перевода.

Несколько обостряя разговор я должен сказать, что подготовка Академической ИРЛ – это не вполне академическое занятие. Большая часть моих коллег – замечательные специалисты в какой-то области, блистательные текстологи и комментаторы. Они и не склонны, а часто и не способны к тем обобщениям, которые необходимы в «Истории». С точки зрения многих из них – это «популяризация», которая им неинтересна. С другой стороны, преподаватели вузов часто готовы к участию в работе, но они подчас не вполне ощущают граница между учебным пособием и научным трудом. Как ни парадоксально идеальный автор – это, согласно концепции Топорова – «узел», переходное явление, пограничье между академическим ученым и преподавателем, которому тесно и там, и там.

Я очень надеялся на то, что определяющим в новой «Истории» станет выявление в творчестве того, что **А. Н. Веселовский назвал «личным почином» в дополнение к литературному «преданию»**. Веселовский был убежден, что историку литературы не дано познать тайны личного творчества, между тем как он вполне в силах вплотную приблизиться к их разгадке, по методу исключения как бы отсекая все то, что унаследовано творцом как в области идей, так и формы, от предания, традиции, навыков, школы. Так, в его лекциях «Теория поэтических родов в их историческом развитии» читаем: «Я отнюдь не мечтаю поднять

завесу, скрывающую от нас тайны личного творчества, которыми орудуют эстетика и которые подлежат скорее ведению психологов. Но мы можем достигнуть других отрицательных результатов, которые, до известной степени, укажут границы личного почина. Понятно, что поэт связан материалом, доставшимся ему по наследству от предшествующей поры; его точка отправления уже дана тем, что было сделано до него. Всякий поэт, Шекспир или кто другой, вступает в область готового поэтического слова, он связан интересом к известным сюжетам, входит в колею поэтической моды, наконец, он является в такую пору, когда развит тот или другой поэтический род. Чтобы определить степень его личного почина, мы должны проследить наперед историю того, чем он орудует в своем творчестве...».¹

Для Веселовского было очевидно, что оригинальность, уникальность, своеобразие (литературы, автора или произведения) не постулируются, а доказываются, познаются в сравнении данного явления с явлениями, ему родственными. Свообразие – вопрос не веры, а знания. Нам представляется, что взгляды Веселовского, его убеждение в том, что для определения «личного почина» в литературе необходимо изучение «предания», должны стать основополагающими в работе над новой академической «Историей русской литературы».

Впервые в общий историко-литературный процесс будет в полной мере вписана литература XX века, включая значительные явления в литературе русской эмиграции, поскольку все предыдущие академические «Истории» были доведены лишь до 1917 года.

Впервые в «Истории русской литературы» достойное место должна занять переводная литература, служившая, по замечанию М. Л. Гаспарова, «связующим фильтром между русской и мировой

¹ Цит. по: Симони П.К. Список трудов академика А.Н.Веселовского // Памяти академика Александра Николаевича Веселовского: По случаю десятилетия со дня его смерти. Пг., 1921. С. 29–30.

литературой»². При этом, хотя художественный перевод является неотъемлемой и важнейшей частью русской литературы, все наши общие историко-литературные труды страдают известной односторонностью и все «Истории русской литературы» описывают исключительно оригинальную литературу, не обращая никакого внимания на переводную. Тем самым история национальной литературы представляется с позиций «производителей», т. е. писателей, принимавших непосредственное участие в ее создании. Но если встать на позицию «потребителей», т. е. читающей публики, то мы увидим, насколько велик вклад переводной литературы в становление национального самосознания.

Впервые в каждом томе большое внимание будет уделено рецепции зарубежных литератур в России, сыгравших особенно большую роль в переходные эпохи.

Каждое поколение, в своем стремлении сказать новое слово в литературе, пыталось в инонациональных импульсах найти опору и оправдание своим эстетическим устремлениям, увидеть предтеч и предшественников в деятелях культуры далеких эпох и других народов. В то же время наряду с переводимыми текстами осуществлялся и перенос веры, идей, чувств, обычаев, знаний, бытовых привычек, стереотипов и т.д.

Смена культурных эпох помимо прочего всегда происходит благодаря переносу из культуры в культуру. В переходные эпохи этот процесс усиливается и убыстряется.

Чрезвычайно показательна в этом отношении эпоха русского модернизма. Русские декаденты, символисты и акмеисты опирались на европейских «учителей» для решения новых задач, но при этом исправляли, дополняли и творчески переосмыслили их.

В отличие, например, от литераторов XVIII – начала XIX вв. они не воспринимали себя учениками знаменитых западноевропейских писателей

² См.: Гаспаров М.Л. Как писать историю литературы // Новое литературное обозрение. 2003. № 59. С. 143.

и мыслителей. Едва ли не все они пытались найти, более того, успешно находили «скрытое» в шедеврах мировой литературы, в творчестве Сафо, Франциска Ассизского, Данте, Новалиса, Бодлера, Шопенгауэра, Ницше, Уайльда, предназначенное для них содержание. Применение этого «тайного знания» позволяло творить новое искусство.

Помимо переводной литературы, предполагается **включение таких областей, которые ранее выпадали из традиционной истории литературы, как массовая литература, детская литература, и т. д.** Большое внимание будет уделено идее фольклоризма в литературе. В контексте литературы второй половины XIX столетия достойное место займет творчество представителей традиционалистских тенденций. При рассмотрении литературы советского периода будет поставлен вопрос о «нишах» подцензурной литературы (детская, переводная литературы, и т.д.), в которых укрывались от идеологического давления и цензуры или которые создавали выдающиеся писатели, которые хотели, чтобы их произведения доходили до читателя.

В ходе многочисленных дискуссий и споров редколлегия пришла к решению, что новая академическая история русской литературы будет состоять **из 8 томов (в 12 книгах).**

1. Древнерусская письменность. XI – XIV вв.
2. Древнерусская письменность. XV - XVII вв.
3. XVIII век.
4. «Золотой век» (в двух книгах).
5. Эпоха реализма (в двух книгах).
6. Эпоха модернизма (в двух книгах).
7. Русское зарубежье.
8. Литература советского периода (в двух книгах).

Общий объем – 440 а.л.

Своеобразие новой Истории заключается в том, **что строится она по «эпохам».** Тем самым когда заканчивается одна, следующая за ней уже давно началась, и они сосуществуют на протяжении долгого времени.

Следуя академическим традициям соблюдения временной дистанции в гуманитарных исследованиях, «История» доводится до 80-х годов XX столетия.

Каждый том состоит из трех больших разделов.

Раздел I содержит монографическое концептуальное описание историко-литературного процесса эпохи в его динамике.

Раздел II состоит из отдельных глав, посвященных важнейшим факторам, характеризующим литературную жизнь эпохи (центры книжности, литературные общества, периодика, книжное дело, цензура, и т. п.).

Раздел III – персоналии и произведения (если речь идет о древнерусской письменности), то есть главы, посвященные отдельным авторам и произведениям, сыгравшим особую роль в истории русской и мировой литературы.

В тех случаях, когда писатель сыграл выдающуюся роль в две разные эпохи, персональные, посвященные ему главы, есть в обеих (Бунин, Горький, Мережковский).

Главным разделом в каждом томе является второй. Среди глав, включенных во второй раздел разных томов «Истории», многие из которых уже написаны (правда, далеко не все отредактированы) есть, например, следующие:

- О начале славянской письменности и древнерусской литературы. Библейские апокрифы и вопросы их изучения. Пространство древнерусского текста.

- Монастырские книжные центры Древней Руси.

- Древнерусская литература после Древней Руси.

- Эволюция языка книжности и письменности.

- Типы читателей, роль чтения и круг чтения в XVIII в.
- Литературные институции 1810—1830-х гг.
- Культура салонов и литературная жизнь Золотого века
- Массовая литература эпохи Золотого века.
- Литературные салоны и кружки 1840—1880-х гг.
- Провинциальные литературные центры (том «Эпоха модернизма»)
- Книгоиздательская деятельность и литературная периодика (том «Эпоха модернизма»)
- Отражение литературной жизни в газетах начала XX века.
- Формирование национального литературного канона для детей в начале XX века.
- Центры русской эмиграции.
- Литературные объединения, литературные группировки (том «Литература советского периода»).
- Издательское дело, цензура и пропаганда (том «Литература советского периода»).
- «Самиздат» и «тамиздат».

Любопытно, и даже знаменательно, что, судя по стенограмме заседаний Ученого Совета ПД в 1969 и 1970 гг., **темы жарких дискуссий, в которых ранее участвовали те, кого мы считаем своими учителями, и те, кого не считаем, во многом повторились**, как если бы не прошло полвека. Создавать не «нарратив», а справочное издание? Нужны ли персоналии? Если нужны, то сколько их может быть в одном томе – десять, тридцать, пятьдесят. Помню, как академик Александр Васильевич Лавров, когда я попросил его предложить свой список персоналий для тома «Эпоха модернизма» предложил 800 имен. На мой вопрос, что мы с этим будем делать, ответил «Я упомянул всех, кого я вспомнил, а вы решайте, кто вам нужен».

Не все споры повторились. Какие-то были новые. Например, поскольку наши предшественники решили в конечном счете закончить

свою «Историю» годом Октябрьского переворота, не могло быть спора о том, не выделить ли в отдельный том «Русский авангард»?

Авторская работа над томом «Эпоха модернизма» должна быть завершена в 2023 г. Предполагается, что отредактирован этот тот будет в 2024 г., а опубликован в 2025 г. **В том случае, если будет решена проблема с привлечением приглашенных ученых, авторская работа над остальными томами может быть закончена в 2024–2025 гг., и с 2025 г. по мере подготовки тома будут выходить из печати.**

Для сравнения: Научно-исследовательская и редакторская работа (до начала издательского цикла) над предыдущей пушкинодомской 4-томной «Историей русской литературы», задуманной в 1969 г., заняла в общей сложности более 10 лет. Первый том был опубликован в 1980 г., последний – в 1983 г. **От замысла до воплощения, издания последнего тома, прошло 14 лет. Для такого рода и такого масштаба работы это не долго, но мне бы хотелось, чтобы мы завершили наш труд значительного быстрее.**